

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2025-1-5-28>

## **ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ШОКОВ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ**

**Е. Н. Смирнов**

Государственный университет управления, Москва, Россия

В настоящем исследовании приведена оценка механизмов и направлений трансформации международной торговли в условиях современных вызовов развития мировой экономики. Анализ новейших трендов в динамике глобальной торговли свидетельствует об усилении ее неоднородности в разрезе стран-участниц и торгуемых товаров, что во многом связано с ростом применения новых ограничительных мер в торговле. Сформулированы ключевые факторы, воздействующие на международную торговлю в контексте усиления геополитической напряженности в мире. Обсуждены дискуссионные вопросы по поводу формирования нового режима международной торговли, что позволило сделать выводы о постепенном ее отходе от приоритетов либерализма и экономической глобализации. Определены новые детерминанты трансформации международной торговли вследствие более агрессивной торговой политики и с учетом растущей концентрации экспортных рынков. Показана особая роль волатильности товарных сырьевых рынков в трансформации современной международной торговли.

*Ключевые слова:* экспортные ограничения, торговая политика, глобализация, экспорт, импорт, геополитическая напряженность.

## **TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL TRADE IN THE CONTEXT OF MODERN SHOCKS IN THE DEVELOPMENT OF THE WORLD ECONOMY**

**Evgenii N. Smirnov**

State University of Management, Moscow, Russia

This study provides an assessment of the mechanisms and directions of transformation of international trade in the context of modern challenges of global economic development. Analysis of the latest trends in the dynamics of global trade indicates an increase in its heterogeneity in the context of participating countries and traded goods, which is largely due to the growing use of new restrictive measures in trade. The key factors affecting international trade in the context of increasing geopolitical tensions in the world are formulated. Controversial issues regarding the formation of a new international trade regime are discussed, which allowed us to draw conclusions about its gradual departure from the priorities of liberalism and economic globalization. New determinants of the transformation of international trade are identified due to a more aggressive trade policy and taking into account the growing concentration of export markets. The special role of the volatility of commodity raw materials markets in the transformation of modern international trade is shown.

*Keywords:* export restrictions, trade policy, globalization, export, import, geopolitical tensions.

### Введение

**В** настоящее время, в отличие от предыдущих десятилетий, международная торговля растет гораздо медленнее, чем мировое производство. За последние два года международная торговля растет даже медленнее, чем в последнее десятилетие, считающееся самым медленным периодом динамики глобального экспорта после Второй мировой войны. Более того, в 2023 г. при устойчивости роста международной торговли услугами товарная торговля продолжила снижаться.

Деятельность Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) с 1947 г. была нацелена на последовательное снижение тарифов в международной торговле, и ее правопреемник, Всемирная торговая организация (ВТО), продолжила этот тренд на либерализацию торговли и трансграничного движения капитала в 1980–1990-е гг. Однако после 1990-х гг. страны стали больше акцентироваться на установлении внутренних норм и стандартов, и глобальная архитектура регулирования изменилась, принеся, по мнению Д. Родрика, выгоды для крупного транснационального капитала [22], для которого в современных кризисных условиях становятся характерными новые, более агрессивные модели и механизмы интернационализации [3]. В результате с точки зрения выгод, получаемых разными странами, международная торговля становилась все более асимметричной, вызывая недовольство свободной торговлей прежде всего со стороны развивающихся стран. Острейшая дискуссия последних лет о справедливой архитектуре регулирования международной торговли концентрируется на гипотезе о том, что издержки углубления торговли между странами теперь могут быть весьма значительными. В. Хадсон особо отмечает, что в основе регулирования торговли доминируют стратегические интересы государства, которые все чаще и более комплексно вмешиваются в функционирование мировых рынков [16].

Тот факт, что дискуссия вокруг регулирования международной торговли претерпевает значительные изменения, подтверждается использованием принципиально иной, чем ранее, терминологии («деглобализация», «фрагментация», «решоринг», «открытая стратегическая автономия» и пр.). Глобальную экономическую взаимозависимость теперь принято описывать со стратегических позиций и приоритетов политики (ускорение энергетического перехода, повышение устойчивости и сокращение неравенства).

В данной связи целью нашего исследования является анализ направлений и механизмов трансформации международной торговли под воздействием новых вызовов, обусловивших хрупкое состояние мировой экономики на современном этапе.

### **Новейшие тренды в динамике глобальной торговли**

Нестабильность в развитии международной торговли особенно проявилась после пандемии; в последние годы она стала в большей степени неоднородной, фрагментарной, отклоняющейся от устоявшихся тенденций и испытывающей влияние серьезных геополитических проблем. В связи с этим в перспективе глобальные модели торговли будут претерпевать существенные изменения.

Спад в мировой торговле в 2020 г. был самым серьезным с периода кризиса 2008–2009 гг., однако в 2021 г. торговля восстановилась за счет роста мировых цен на сырье и глобального спроса. Восстановление продолжилось и в 2022 г. и стало затухать лишь во втором полугодии вследствие геополитической напряженности, экономической неопределенности и изменений в моделях торговли. Соответственно, в 2023 г. мировая торговля вступила в состояние падения. В 2022 г. отношение мирового экспорта к мировому производству уменьшилось на 1,5% с рекордных за всю историю 30,5% [25]. При этом следует отметить, что торговля в рамках региональных торговых соглашений (РТС) в последние годы была более устойчивой, что обусловлено самой спецификой РТС, где предусмотрены стабилизирующие механизмы для сравнительно быстрого восстановления торговли.

Важно, что темпы роста внешней торговли отдельных стран стали серьезно различаться, тогда как до 2020 г. этот рост был в разрезе стран более равномерным (особенно в группе развитых стран). Поскольку постпандемическое восстановление мировой экономики было неравномерным, а влияние шоков 2022 г. на страны было различным, то и динамика торговли в разрезе стран стала более дифференцированной. Частично такая неоднородность обусловлена волатильностью мировых цен на сырье, однако наблюдаются различия в темпах роста торговли даже у стран со схожей структурой экспорта. В целом по сравнению с историческими тенденциями нынешняя торговля демонстрирует повышенные неоднородность и волатильность.

Объем международной товарной торговли в 2022 г. составил 25 трлн долларов, услугами – 6,5 трлн долларов. Пострадав от пандемии в 2020 г., мировая торговля хорошо восстанавливалась в 2021–2022 гг. Исторически более устойчивая торговля услугами, обвалившись в 2020 г., восстанавливается медленнее торговли товарами, особенно в развитых странах. За последнее десятилетие международная торговля товарами была более нестабильной – в 2011–2014 гг. она почти не росла, упала в 2015–2016 гг., вновь достигла пика в 2019 г., резко сократилась в 2020 г., резко восстановилась в 2021 г. и достигла очередного пика в 2022 г. С 2010 г. международная торговля товарами возросла на 40%. При этом, например, торговля Китая возросла почти вдвое (однако этот рост остановился в 2022 г.). Среди характерных тенденций следует отметить, что начиная с

2016 г. в развивающихся странах темпы роста импорта превышали темпы роста экспорта, что объясняется ростом потребительского спроса в этой группе стран. В 2022 г. импорт развитых стран рос быстрее этого показателя в развивающихся странах (импорт США особенно быстро стал расти после пандемии).

Если стоимостный объем международной торговли равномерно распределен между развитыми и развивающимися странами, то в торговле услугами ее две трети приходится на развитые страны. В целом значение развитых стран как экспортеров снижается, но торговля по-прежнему концентрируется в данной группе стран, а также в Восточной Азии. Доля торговли в рамках «Юг – Юг» возросла в 2010–2022 гг. с 17% до 21% от совокупного объема международного обмена, но здесь значительная доля торговли приходится на Китай [25. – С. 9]. В 2022 г., несмотря на начало специальной военной операции (СВО), торговля росла по крупнейшим двусторонним потокам, однако, например, по торговле природными ресурсами в Европейском союзе (ЕС) наблюдались самые большие изменения (табл. 1).

В структуре международной товарной торговли свыше 40% принадлежит промежуточной продукции (свыше 10 трлн долларов). В целом в товарной торговле доминирует продукция обрабатывающей промышленности (3/4 товарной торговли), однако в 2022 г. на 50% выросла торговля природными ресурсами (предварительно пострадав в 2015 и 2020 гг.) [25. – С. 12].

Международная товарная торговля дифференцируется исходя из стадий переработки. В зависимости от того, на каком этапе глобальной цепочки создания стоимости (ГЦСС) используются товары, они могут быть первичными, промежуточными, потребительскими, капитальными (средства производства другой продукции). В торговле развитых стран более 50% приходится на промежуточные товары, а также высока доля капитальных и потребительских товаров, однако и для развитых стран промежуточная продукция играет все более значимую роль в их торговле. Самые большие товарные потоки в международной торговле формируют коммуникационное оборудование, продукция химической промышленности, нефть, уголь и газ. Кроме того, активно торгуются на мировом рынке продукция транспортного машиностроения, нефтепродукты и металлы. В торговле услугами ключевыми являются услуги туризма и транспортные услуги, однако существенно растут в последние годы телекоммуникационные услуги и услуги профессионального консалтинга.

Таблица 1

**Изменение стоимостного объема ключевых двусторонних потоков  
в международной торговле, в разрезе товарных групп, 2021–2022 гг.\***

| Сельскохозяйственная продукция |                |                                 |                                |
|--------------------------------|----------------|---------------------------------|--------------------------------|
| Экспортер                      | Импортер       | Изменение<br>в 2021–2022 гг., % | Объем в 2022 г.,<br>млрд долл. |
| ЕС                             | ЕС             | 5                               | 427                            |
| Бразилия                       | Китай          | 16                              | 51                             |
| ЕС                             | Великобритания | 10                              | 50                             |
| Мексика                        | США            | 14                              | 45                             |
| Канада                         | США            | 15                              | 42                             |
| США                            | Китай          | 4                               | 38                             |
| ЕС                             | США            | 13                              | 34                             |
| США                            | Канада         | 12                              | 28                             |
| США                            | Мексика        | 11                              | 21                             |
| Бразилия                       | ЕС             | 26                              | 20                             |
| Природные ресурсы              |                |                                 |                                |
| ЕС                             | ЕС             | 63                              | 334                            |
| Канада                         | США            | 50                              | 167                            |
| Россия                         | ЕС             | 26                              | 156                            |
| Австралия                      | Китай          | -16                             | 115                            |
| США                            | ЕС             | 170                             | 113                            |
| Россия                         | Китай          | 55                              | 89                             |
| Австралия                      | Япония         | 77                              | 79                             |
| Норвегия                       | ЕС             | 113                             | 72                             |
| Саудовская<br>Аравия           | Китай          | 46                              | 67                             |
| Великобритания                 | ЕС             | 155                             | 60                             |
| Готовая продукция              |                |                                 |                                |
| ЕС                             | ЕС             | 0                               | 2753                           |
| Китай                          | ЕС             | 15                              | 636                            |
| Китай                          | США            | 6                               | 558                            |
| ЕС                             | США            | 15                              | 479                            |
| Мексика                        | США            | 17                              | 376                            |
| ЕС                             | Китай          | -7                              | 260                            |
| США                            | ЕС             | 10                              | 255                            |
| Китай                          | Гонконг        | -16                             | 252                            |
| Тайвань                        | Тайвань        | -5                              | 237                            |
| ЕС                             | Великобритания | -5                              | 231                            |

\* Источник: [25. – С. 11].

Многие развивающиеся страны зависят от импорта, однако экспорт также занимает большую долю в их валовом внутреннем продукте (ВВП), особенно для стран Юго-Восточной Азии, Центральной и Восточной Европы, а также Африки. В целом современная международная торговля существенно несбалансирована; самым большим профицитом в ней обладает Китай, а также такие страны, как Россия, ОАЭ и Саудовская Аравия. США традиционно имеют высокий дефицит во внешней торговле, также он характерен для Японии и Индии. В основном для стран мира (за исключением Африки) торговые дисбалансы стран невысоки по от-

ношению к их ВВП, т. е. в целом для экономики страны эти дисбалансы нельзя назвать значимыми.

Существенную долю в экспортной корзине развивающихся стран составляют природные ресурсы и сельскохозяйственная продукция, что особенно характерно для стран Африки, Латинской Америки и некоторых стран Ближнего Востока. Экспортная корзина развивающихся стран слабо диверсифицирована по направлениям и ассортименту. С 2015 г. диверсификация экспорта отдельных развивающихся стран осуществляется неоднородно. Что касается сложности продукции, то самый ее низкий уровень в экспорте характерен для стран Африки, а самый высокий – для развитых стран (что подтверждается анализом специального индекса сложности экспорта EXPY, а также PRODY).

Устойчивое снижение международной товарной торговли наблюдалось со второй половины 2022 г., тогда как торговля услугами, напротив, росла. В 2023 г. объем международной торговли составил 31 трлн долларов, она снизилась на 3% по сравнению с 2022 г., в то же время торговля услугами увеличилась на 8% [24. – С. 2], отражая более заметное падение товарной торговли. Уменьшение стоимостного объема мировой торговли в основном связано с падением спроса развитых стран и слабостью торговли стран Латинской Америки и Восточной Азии. Рост торговли услугами обусловлен дальнейшим восстановлением туризма. В целом развитие международной торговли остается существенно подверженным геополитической напряженности, высокому уровню задолженности стран и росту транспортных издержек экспорта товаров и услуг.

При общем падении международной товарной торговли в 2023 г. российский импорт, например, вырос на 6%, тогда как экспорт снизился. ЕС и Бразилия в свою очередь увеличили экспорт (табл. 2). Исходя из статистических данных видно, что торговля Индии и Китая возвращается к росту, поэтому для ряда экономик тенденции внешней торговли улучшились.

Более выраженно уменьшилась торговля развивающихся стран – экспорт упал в 2023 г. на 5%, импорт – на 7%, тогда как у развитых стран – на 3% и 4% соответственно [24. – С. 5].

Большинство регионов столкнулись со снижением торговли, за исключением внутрирегиональной торговли в Африке. В целом модели двусторонней торговли стран продолжают испытывать сохранение геополитической напряженности (табл. 3).

Что касается отраслевой структуры, то международная торговля в 2023 г. снижалась во всех секторах, за исключением транспортного машиностроения и фармацевтических товаров. Наибольшее снижение испытала торговля транспортным оборудованием (на 17%), энергоносителями (на 17%), продукцией химической промышленности (на 10% за год), одеждой (на 12%) и офисным оборудованием (на 13%) [24. – С. 7].

Т а б л и ц а 2

## Внешняя торговля товарами и услугами отдельных стран в 2023 г.

| Страна      | Товары, % к предыдущему году |         | Услуги, % к предыдущему году |         |
|-------------|------------------------------|---------|------------------------------|---------|
|             | Импорт                       | Экспорт | Импорт                       | Экспорт |
| Бразилия    | 3                            | 4       | -12                          | 2       |
| Китай       | 0                            | -4      | -5                           | -5      |
| Индия       | -8                           | 0       | -7                           | -6      |
| Япония      | 3                            | -1      | -12                          | -4      |
| Южная Корея | 3                            | -2      | -12                          | -8      |
| Россия      | -12                          | -8      | 6                            | -27     |
| ЮАР         | 3                            | 8       | -3                           | -10     |
| США         | -2                           | 2       | -5                           | -2      |
| ЕС          | 1                            | 1       | -14                          | 2       |

\* Источник: [24, с. 4].

Т а б л и ц а 3

## Пары стран с увеличивающейся и снижающейся зависимостью в торговле, 2023 г.\*

| Растущая торговая зависимость |            | Изм. за год, % | Снижающаяся торговая зависимость |                   | Изм. за год, % |
|-------------------------------|------------|----------------|----------------------------------|-------------------|----------------|
| Зависящая страна**            | Зависит от |                | Зависящая страна                 | Зависит от        |                |
| Россия***                     | Китай      | 7,1            | Россия                           | ЕС                | -5,3           |
| Украина                       | ЕС         | 5,8            | Южная Корея                      | Китай             | -1,2           |
| Бразилия                      | Китай      | 3,0            | США                              | Китай             | -1,2           |
| Великобритания                | ЕС         | 1,6            | Бразилия                         | США               | -1,1           |
| Вьетнам                       | Китай      | 1,4            | Вьетнам                          | США               | -0,9           |
| Япония                        | США        | 1,3            | Китай                            | США               | -0,8           |
| Индия                         | Китай      | 1,2            | Индия                            | Саудовская Аравия | -0,6           |
| Индия                         | ЕС         | 1,2            | ЕС                               | Россия            | -0,6           |
| США                           | ЕС         | 1,0            | Япония                           | Китай             | -0,6           |
| США                           | Мексика    | 0,8            | Вьетнам                          | Южная Корея       | -0,6           |

\* Составлено по: [24. – С. 6].

\*\* Торговая зависимость двух стран рассчитывается как доля их взаимной торговли в совокупном объеме торговли зависимой экономики;

\*\* Оценка.

В последние годы актуализировались новые циклические тренды в международном обмене. Так, после пандемии и сбоя в глобальных цепочках поставок в 2020–2022 гг. в целом международная торговля и ее структура нормализуются, ослабляя давление на цены после существенного увеличения спроса на промышленные товары вследствие пандемии. Транспортная логистика по поставкам товаров также стабилизируется и адаптируется под введенные антироссийские санкции и нынешние военные конфликты в мире. О нормализации международной торговли также свидетельствует резкое снижение фрахтовых ставок на международные морские перевозки навалочных грузов и контейнеров уже во втором полугодии 2022 г. (их рост до исторических максимумов наблюдался после начала пандемии).

Аналогично восстанавливаются и международные авиаперевозки: в частности, в мае 2023 г. на 9% по сравнению с допандемическим уровнем снизился так называемый индикатор глобального коммерческого пассажиро-километра (PRK), хотя до этого он вырос на 50% за год. В основном снижение показателя произошло за счет открытия Китаем своих международных рынков, вследствие чего в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) число перевозчиков возросло втрое. В итоге международная торговля уже в 2022 г. рекордно возросла (даже по сравнению с 2019 г. и в текущих ценах – на четверть) в основном за счет повышательной ценовой динамики на мировых сырьевых рынках (она была обеспечена в основном энергоносителями) [1]. В постоянных же ценах международная торговля увеличилась лишь на 3,5% [23. – С. 38]. Вместе с тем сохраняются высокие риски замедления международной торговли ввиду ослабленного мирового спроса и геополитической напряженности.

Ключевым *факторам*, оказывающим воздействие на международную торговлю в последнее время, следует отнести:

- 1) положительный экономический рост, хотя он еще ниже исторических значений и неравномерен по отдельным странам, что воздействует на структуру мировой торговли;
- 2) увеличение мирового спроса на сырье и контейнерные перевозки;
- 3) сохранение волатильности мировых цен на сырье и рынков этого сырья вследствие продолжающейся геополитической напряженности;
- 4) удлинение глобальных цепочек поставок вследствие изменений в торговой политике стран;
- 5) рост применения ограничительных мер во внешней торговле и субсидий, искажающих торговлю;
- 6) нарушение традиционных маршрутов экспорта товаров в результате сбоев в морском судоходстве (Суэцкий канал, Красное море), что ведет к росту транспортных издержек и удлинению цепочек поставок.

### **Дискуссия по поводу формирования нового режима международной торговли**

Геоэкономическая фрагментация может оказать влияние как на динамику доходов, так и на международную торговлю уже в ближайшие годы. Статистика двусторонней торговли до начала СВО и после нее свидетельствует о продолжении этой фрагментации, поскольку с началом СВО замедление торговли между геополитически отдаленными странами было более значимым, чем между дружественными странами, т. е. геополитически близкими друг другу. МВФ разделяет такие гипотетические блоки исходя из результатов голосования в ООН 2 марта 2022 г. на группу, поддержавшую Россию или воздержавшуюся от голосования, и группу, не поддержавшую нашу страну. Оказалось, что с начала СВО товарная торговля между блоками значительно ослабла по сравнению с внут-

риблоковой торговлей, особенно это ослабление проявляется по таким отраслям, как машиностроение и химическая промышленность (исследователи МВФ в доказательство представляют данные, рассчитанные на базе гравитационных моделей международной торговли [15]).

Существует значительная степень неопределенности по поводу того, возникает или нет новый режим международной торговли, но фактом остаются ее серьезные изменения хотя бы на уровне реструктурирующихся глобальных цепочек поставок, особенно в условиях, когда растут риски на глобальных финансовых рынках, экономический рост замедляется, а инвестиционный климат многих стран ухудшается. Широкое распространение агрессивной промышленной политики и односторонних протекционистских мер в торговле со стороны развитых стран отрицательно воздействует на структурные реформы и экспорт во многих развивающихся странах. Поэтому для многих развивающихся стран реструктуризация ГЦСС не является очевидной, поскольку необходимы справедливые правила игры в торговле и доступ стран к дешевому и надежному финансированию. Необходима также политика по снижению монопольного доминирования транснациональных компаний (ТНК) и действия по упрощению передачи технологий, что позволит развивающимся странам нарастить долю внутренней добавленной стоимости в своем экспорте, углубляя, например, переработку сырья.

Кроме того, появляются элементы, свидетельствующие о появлении новой модели торговли и торговой политики. После Второй мировой войны развитие международной торговли базировалось на приверженности стран открытости, сдерживавшейся лишь незначительно соображениями безопасности и отраслевыми приоритетами, а также на признании факта преимущественного совпадения мест производства товаров с местами создания рабочих мест и регистрации (реинвестирования) прибылей. В основном в послевоенные десятилетия международная торговля рассматривалась как катализатор положительных взаимосвязей между занятостью, производительностью, инвестициями и доходами. Даже у стран с отсутствующими или слабыми связями с международной торговлей либеральный режим торговли, встроенный в глобальную архитектуру регулирования, предоставлял многие возможности для этих стран.

Со временем либерализации торговли, рынков капитала, развитие ГЦСС и финансиализация ТНК резко сузили возможности для многих стран с точки зрения учета местных приоритетов социально-экономического развития. В ряде развивающихся стран это дополнялось неравномерностью экономического роста (взлеты и падения), слабой (и еще более ослабляющейся) диверсификацией экономики, ведя к так называемой преждевременной деиндустриализации национальных экономик и усилению их зависимости от экспорта сырья. Следует отметить, что такие трудоемкие модели экономического роста, основанные на позиции стран

в международной торговле как поставщиков сырья, обнаружили неравные выгоды, получаемые разными странами и группами стран от участия в международной торговле, и этот аспект вызывал различные дискуссии в научном и экспертном сообществе еще до пандемии. Однако после 2022 г. эти дискуссии переросли в некий новый консенсус о том, что либерализация международной торговли и экономическая глобализация не являются безусловными приоритетами, а первостепенную роль должны играть устойчивость глобальных цепочек поставок, занятость в экономике, вопросы цифровой безопасности и справедливый энергетический переход. Более того, в политической экономике международной торговли перестало доминировать убеждение о том, что выгоды от участия в международной торговле будут распространяться по широкой группе стран.

### **Детерминанты трансформации международной торговли**

В новой модели международной торговли значимым триггером является, во-первых, *торговый конфликт Китая и США*. В начале XXI в. Китай вытеснил США с позиции лидирующего глобального экспортера готовой продукции, а торговый дефицит США в торговле с Китаем рос на протяжении многих лет. Это привело к тому, что с 2017 г. США стали постепенно увеличивать тарифы на китайский импорт, что привело к его существенному перенаправлению в страны ЕС и Мексику. Торговый конфликт США и Китая стал важным аспектом фрагментации торговли. С момента начала роста взаимных тарифов в 2017 г. доля Китая в американском импорте сократилась в 2017–2023 гг. с 22% до 14% [17. – С. 24]. Одновременно М. Ванг и С. Ханнан указывают, что за 2017–2022 гг. китайские источники импорта в США частично перераспределились на другие страны, включая Вьетнам и Мексику [26]. В итоге отмечается удлинение глобальных цепочек поставок и снижение их общей эффективности [21]. При сохранении фрагментации и дополнительных ограничениях на торговлю утрачивается международная специализация и выгоды от эффекта масштаба.

Основной парадокс китайско-американского торгового конфликта выражается в нынешнем возврате импорта США из Китая к своим допандемическим значениям, поскольку Китай серьезно нарастил экспорт продукции, в отношении которой тарифы США не вводились. В 2022 г. импорт США из Китая достиг исторического максимума в 564 млрд долларов, что, вероятно, отражает тренд роста международной торговли услугами, однако США остаются ключевым направлением товарного экспорта Китая. Несмотря на восстановление импорта США и Китая, напряженность привела к росту торговых издержек, снижению реальных доходов в обеих странах и, как на это указывает П. Фейгельбаум, исследуя торговые войны на примере США и Китая, – к тому, что основное бремя роста цен приняли на себя потребители импортных товаров в США [13; 14]. В свою очередь страны ЕС или Азии, куда перенаправлялся

китайский экспорт (вместо США), могут быть бенефициарами китайско-американского торгового конфликта, поскольку могут обеспечить себе новые инвестиции в инфраструктуру торговли, либо дополнительные инструменты содействия торговле и инвестициям, либо использовать новые возможности экспорта в разных отраслях.

Следует также указать на все большую *агрессивность торговой политики стран мира*, что находит свое выражение в новых формах и механизмах экспортного контроля, целью которого становятся:

1. *Обеспечение внутренних поставок товаров*; в этом случае правила ВТО оправдывают применение экспортного контроля необходимостью устранить или предотвратить критический дефицит ключевых товаров. Однако важно, чтобы меры экспортного контроля были соразмерны масштабам этого дефицита, и самая сложная задача – в определении такой соразмерности. Классическим примером можно считать пандемию, когда свыше 80 стран запретили экспорт медицинских средств индивидуальной защиты. Другой пример в практике ВТО – когда с началом СВО свыше 30 стран прибегли ко многим ограничениям экспорта аграрной продукции [28], ссылаясь на соображения продовольственной безопасности, что, безусловно, подрывает устойчивость международной торговли этими товарами.

2. *Экспортные ограничения в отношении конкурентов по геополитическим соображениям*, когда начинает применяться, например, неполное возмещение НДС на экспорт, неавтоматическое лицензирование или полный запрет на экспорт. Статья XXI ГАТТ предусматривает положения о национальной безопасности, которой ряд стран уже давно прикрывается, чтоб отступать от правил ВТО. Данная позиция резко укрепилась с 2022 г. После введения рядом экспортеров таких мер существенно пострадал экспорт сырья, в том числе значимого для производства продовольствия или перехода к зеленой экономике. Экспортные ограничения такого рода могут быть связаны и с поставкой высокотехнологичных запчастей или компонентов, например, технологий производства чипов в зарубежных странах, или с их продажей США в Китай (как это было, в частности, в конце 2022 г.). Также США, опять же исходя из соображений безопасности, предпринимают усилия, чтобы исключить компании Китая из разработки глобальной цифровой инфраструктуры (подводные кабели). Наконец, хороший пример – запрет на импорт зерна из Украины, введенный рядом восточноевропейских стран.

3. *Стимулирование инвестиций в национальные перерабатывающие компании*. Страна, стремясь к тому, чтобы увеличить долю добавленной стоимости, создаваемой внутри страны, будет ориентироваться на ограничение экспорта сырья. Так, Индонезия в рамках энергетического перехода последовательно в 2009–2014 гг. ограничивала экспорт никеля, в итоге полностью запретив его, что было обусловлено стимулированием ин-

вестиций в местную переработку руды. Данная политика оспаривалась ЕС в ВТО, и к Индонезии было предъявлено требование привести свою практику в соответствие с нормами Соглашения ГАТТ 1994 г. Кроме того, в 2022–2023 гг. Замбия и Намибия запретили экспорт лития и других редкоземельных металлов, что также было мотивировано стремлением к большей ориентации цепочек поставок этого сырья на переработку внутри страны. Конечно, в случае с принятием таких мер необходимо рассматривать, насколько другие экспортеры способны заменить тот или иной товар на мировом рынке, на котором могут быть альтернативные экспортеры, которые могут получить дополнительный выигрыш от указанных запретов.

4. *Расширение применения субсидий*, особенно в развитых странах, которые в рамках своей промышленной политики все чаще используют их для содействия инвестициям и занятости в национальной экономике, а также в рамках перехода к зеленой экономике. Так, США приняли несколько законов, касающихся, например, снижения инфляции, стимулирования производства полупроводников, инвестирования в инфраструктуру. Эти нормативные акты стимулируют как новые расходы, так и налоги. Кредитование нацелено на поддержку производства автомобилей, полупроводников, возобновляемой энергии, а также на выравнивание рынка труда и сглаживание региональных социально-экономических диспропорций.

В ЕС реализуется политика открытой стратегической автономии, в США также принимались аналогичные законодательные инициативы. В их рамках допускается внутреннее субсидирование чистой энергетики и других отраслей. Однако, в отличие от США, эти инициативы не прописаны в бюджете. В частности, следует особо упомянуть так называемую «Зеленую сделку» (Green Deal Industrial Plan, GDIP), в которой отдельно предусмотрен механизм корректировки углеродных границ. Этот план предусматривает покупку европейскими импортерами так называемых углеродных сертификатов, что, как предполагается, предотвратит утечку углерода, т. е. не допустит, чтобы импортеры ЕС перенаправились на покупку зарубежных товаров, которые могут быть дешевле европейских, но с большими объемами выбросов. По сути, эта мера представляет собой лишь дополнительный тариф на импорт, соответствующий цене на выбросы углерода в ЕС. Еще одной инициативой ЕС является требование к зарубежным импортерам в ЕС ряда товаров (например, древесины, кофе, говядины, какао) доказать, что производство указанных продуктов не вело к деградации лесов (например, что для пастбищ не вырубались леса).

Подобного рода инициативы были восприняты негативно развивающимися странами, и Китай намеревается в рамках ВТО оспорить углеродные сертификаты, апеллируя к тому, что они нарушают основополагающий принцип режима наибольшего благоприятствования, лежащий

в основе ВТО. Развивающиеся страны в целом мотивируют свое неприятие к указанным инициативам тем, что разным по уровню развития странам предъявляются равные требования. Основной аргумент сводится к тому, что более развитые страны исторически делали больше выбросов углекислого газа или вырубали больше лесов. Важно и то, что не имело места многостороннего обсуждения указанных инициатив.

В сложившихся условиях изменения модели международной торговли совершенно по-иному, чем ранее, трактуются распределительные последствия международной торговли. Рост международной торговли не всегда способствовал социально-экономическому развитию. Гиперглобализация вместе с ростом ГЦСС, контролируемых ключевыми ТНК развитых стран, способствовала расширению международной торговли. Однако развивающиеся страны были встроены в ГЦСС в самых их низкоприбыльных звеньях, где использовалась избыточная неквалифицированная рабочая сила, и именно это заявлялось развитыми странами в качестве сравнительного преимущества развивающихся стран. Нет никаких достоверных доказательств успешности или пагубности такой модели. Развивающиеся страны в свою очередь сделали ставку на то, что будут иметь место некоторые побочные эффекты вследствие их участия в международной торговле промежуточной продукцией. Воспроизвести подобную модель в мире удалось лишь небольшому числу восточноазиатских стран, которые в свое время за счет эффективного встраивания в ГЦСС получили значительный доход, инвестировали его в производство и обеспечили свое быстрое социально-экономическое развитие.

В дополнение к этому, по мере того как росла концентрация экспортного рынка крупнейшие ТНК усилили свое рента ориентированное поведение и возможности. Резкий рост прибыльности ключевых ТНК, доминирующих в международном обмене, вместе с ростом их концентрации во многом способствовал снижению доли в мировом ВВП доходов от труда как фактора производства, и это обстоятельство во многом способствовало развитию неравной международной торговли. Концентрация экспорта в развивающихся странах росла в последние годы (в том числе и до пандемии), обеспечивая все большими доходами собственников капитала – крупнейшие в мире ТНК. Речь идет о двух ключевых аспектах:

- *усиление концентрации на экспортных рынках.* Длительное доминирование ТНК в международной торговле и трансграничных инвестициях обусловило неравный доступ к рынку и неравные выгоды для участников рынка. Так, в большинстве развивающихся стран на незначительное число ключевых компаний приходилась высокая доля экспортных доходов страны, и данный показатель концентрации экспорта имел тенденцию к росту в последние годы, особенно в период пандемии.

- *усиление асимметрии глобального распределения доходов в пользу владельцев капитала.* ЮНКТАД отмечает снижение глобальных трудовых до-

ходов в 2000–2022 гг. с 57% до 53 % [23. – С. 48], что указывает на усиление доминирования в международной торговле ТНК, однако риски и кризисы мировой экономики лишь усиливают асимметрию между глобальными доходами, получаемыми от труда и капитала.

Реформы торговой политики должны предусматривать дифференцированные режимы для разных стран. Следует учитывать и новые формы промышленной политики развитых стран, ведущие к сокращению глобальных цепочек поставок, а также то, что развивающиеся страны, чтобы географически диверсифицировать свой экспорт, будут вынуждены искать новые рынки сбыта. Поэтому торговля в формате «Юг – Юг» даст в будущем большие возможности для развивающихся стран. В данном формате торговля растет быстрее мировой торговли. При этом в 2022 г. на торговлю между собой приходилось более половины всей внешней торговли развивающихся стран.

Данное направление (при сохранении торговли с развитыми странами) обеспечило развивающимся странам отличную возможность для диверсификации их производства и экспорта (так же, как и РТС способствуют такой диверсификации). Вероятно, программа «Глобальная система торговых преференций (ГСТП)», разработанная еще в 1988 г. в рамках ЮНКТАД, может способствовать дальнейшему снижению тарифов во взаимной торговле развивающихся стран, поддерживая их переход к зеленой экономике. Нынешнее расширение объединения БРИКС, вероятно, будет способствовать открытой многосторонней торговле, однако в рамках БРИКС торговля в основном идет между Китаем и другими странами-членами, т. е. имеются определенные дисбалансы [5]. В свою очередь ГСТП также может способствовать укреплению торговли по направлению «Юг – Юг». Эта система действует на основе так называемой разрешительной оговорки, принятой в рамках ГАТТ, однако в 2010 г. она получила новый импульс в рамках Сан-Паульского раунда переговоров.

### **Воздействие волатильности товарных рынков на трансформацию международной торговли**

Ряд исследований последних лет посвящен воздействию динамики цен на мировых рынках сырья на трансформацию международной торговли и экономический рост [2; 4]. Рост мировых цен на сырье вследствие пандемии и начала российско-украинского конфликта прекратился к концу первой половины 2022 г., далее замедляясь, по оценкам, в основном за счет энергоносителей [23. – С. 51]. Основным фактором снижения цен стало ухудшение ситуации с глобальным спросом, обусловленное беспрецедентным ужесточением монетарной политики, ослабившей интенсивность глобального экономического роста. Также ограничительная денежно-кредитная политика стимулировала перевод инвесторами своих капиталовложений из сырья в активы, где процентная ставка была выше.

Помимо прочего, слабое восстановление экономики Китая замедлило рост цен на сырье, чему также способствовала переориентация торговых потоков энергетического сырья Россией и решение вопросов зернового экспорта в рамках Черноморской инициативы.

Если рассматривать отдельные товарные группы сырья, то самое резкое снижение цен наблюдалось со второй половины 2022 г. до мая 2023 г. на мировых рынках энергоносителей (на нефть – 33%, на газ – 67%), даже несмотря на сокращение добычи в рамках сделки ОПЕК+, поскольку резко возросла добыча в странах, не входящих в ОПЕК, и стали активно использоваться стратегические резервы нефти отдельных стран. Антироссийские санкции перенаправили потоки энергоносителей из нашей страны по заниженным ценам в Китай и Индию, поэтому глобальные поставки нефти не пострадали, что делало цены на нефть стабильными. Европа, отказавшись от российского газа, увеличила поставки СПГ из США (а также и из России). Это оказало повышательное давление на цены на газ в Европе в силу дороговизны самого СПГ, поставляемого по спотовым (а не долгосрочным) контрактам. В свою очередь снижение мировых цен на металлы, наблюдавшееся в 2022–2023 гг., было обусловлено в основном экономическими проблемами в секторе недвижимости Китая, предъявляющего огромный спрос на промышленные металлы. Этот дефицит частично удалось компенсировать увеличением госрасходов Китая на реализацию инфраструктурных проектов.

С августа 2023 г. по февраль 2024 г. наблюдалось незначительное снижение мировых цен на сырье, что преимущественно было связано с понижительной ценовой динамикой на рынке нефти и ростом ее предложения со стороны США, при этом перспективы роста спроса являются весьма неоднородными. Цены на газ, так же как и на нефть, снижались вследствие обильного предложения; в долгосрочной перспективе, скорее всего, будет происходить незначительное (не такое, как по нефти) снижение цен. Отмечался рост цен на продовольствие (из-за феномена Эль-Ниньо), железную руду (из-за рекордного выпуска стали в Китае) и золото (которое чаще обычного рассматривалось в качестве актива «убежища»).

Самое значительное негативное влияние, которое испытали развивающиеся страны от волатильности мировых цен, оказала группа продовольственных товаров, поскольку еще до начала конфликта мировые цены на продовольствие были близки к историческим максимумам, увеличивая бремя для стран-импортеров. В 2022 г. рост цен продолжился (особенно по пшенице и подсолнечнику), стабилизировавшись лишь в 2023 г. При этом мировые и внутренние цены на продовольствие все еще остаются высокими, оказывая давление на продовольственную безопасность стран-импортеров, усугубляемую также слабыми валютами этих стран и их высокой долговой нагрузкой. Наконец, следует отметить возросшее

монопольное доминирование на мировых рынках продовольствия крупнейших ТНК-экспортеров. Как следствие, свыше 300 млн человек в мире (из которых треть находится в странах тропической Африки) испытывают дефицит продовольствия, что вдвое больше, чем было в 2019 г. [27]. Также следует отметить, что спекуляции на рассматриваемом рынке, экономические шоки и негативные климатические условия обусловили рост числа голодающих в мире уже с 2014 г.

Кроме того, следует отметить неоднозначный характер воздействия высоких цен на распределение доходов внутри стран. Как отмечают С. Мохтади и Д. Кастельс-Кинтана, если для страны характерна сравнительно высокая капиталоемкость производства с высокой концентрацией земель в руках крупных фермеров, высокие цены на продовольствие создают ренту, выгодную крупным богатым землевладельцам [20]. Кроме того, К. Деконник дополнительно указывает на то, что в глобальных цепочках поставок продовольствия, где роль малых фермеров незначительна, рост цен на продовольствие происходит по вине крупных ТНК, концентрирующих полностью торговлю, хранение и переработку продовольствия [12]. Преимущественно рост цен на продовольствие обусловлен увеличением неравенства в развивающихся странах, что подчеркивает значимость политики обеспечения социальной защиты как потребителей, так и производителей продовольствия. Вероятно, необходимы механизмы, которые бы обеспечивали интеграцию фермеров в мировой рынок, однако барьером на этом пути стоят господствующие на рынке монополистические продовольственные ТНК.

Геоэкономическая фрагментация вносит заметный вклад в волатильность рынков сырья. Так, в исследовании Дж. Альвареса оцениваются последствия фрагментации международной торговли сырьем по 48 ключевым видам сырья, и отмечается значительное влияние фрагментации на волатильность цен в этой группе товаров, особенно если торговля будет концентрироваться в геополитических блоках [7. – С. 1]. Несмотря на нормализацию мировых цен на большинство видов сырья в 2023 г., геополитическая напряженность сохраняет и риск геоэкономической фрагментации международной торговли сырьем. Сырье – важный фактор как производства, так и потребления, оно широко используется во всех группах стран, и для него характерна низкая эластичность спроса. Однако следует отметить географическую концентрацию производства сырья – три крупнейших поставщика обеспечивают 75% глобального производства, и многие из импортеров полагаются лишь на незначительное количество поставщиков.

Усиление геоэкономической фрагментации создает риски более высокой волатильности мировых цен на сырье, но эти эффекты зависят от того, какова будет степень дисбалансов между спросом и предложением вследствие фрагментации, а также от эластичности спроса и предло-

жения по цене по отдельным видам сырья. Ценовые эффекты, например, важны для товаров, значимых с точки зрения энергетического перехода (никель, медь), а также видов сельскохозяйственной продукции, широко продаваемой во многих странах (в случае, если международная торговля будет происходить в рамках геополитических блоков, торговля этими товарами может пострадать существенно).

Каковы возможности адаптации сырьевых рынков к шокам последних лет? Пандемия и нынешние конфликты вызвали серьезную волатильность мировых цен на сырье, которая в свою очередь сделала неустойчивой инфляцию, усложнив монетарную и фискальную политику для многих стран. Изменение климата и геоэкономическая фрагментация могут еще больше дестабилизировать мировые рынки сырья и усиливать волатильность цен, которая зависит преимущественно от эластичности предложения и спроса по цене. С. Альбрицио отмечает, что чем эта эластичность ниже, тем сильнее будет реакция цен на внезапные изменения спроса и предложения [6]. В связи с этим важно понимание скорости реакции спроса на сырье и его предложения, сравнение меры чувствительности спроса и предложения, в том числе в долгосрочной перспективе. Также важна оценка эластичности в разрезе разных групп товаров.

Последние исследования МВФ основаны на передовых работах, связанных с оценкой шоков на сырьевых рынках [7], что противоречит методикам, представленным ранее [10]. Некоторые модели проводят оценку сразу по нескольким товарам [9], что является ошибочным, равно как не совсем корректным представляется использование для таких оценок векторных моделей авторегрессии [19]. Подход МВФ предполагает оценку индивидуальных изменений производства и потребления сырья по отдельным странам, чтобы в итоге оценить средневзвешенную глобальную ценовую эластичность. Однако это применимо в случае масштабных шоков, сила которых велика, чтобы оказать влияние на цены. Это в свою очередь ведет к повышенной концентрации производства и потребления, которая и характерна для товарных рынков сырья. Таким образом, если производство товара сконцентрировано у небольшого числа стран, то шок в производстве в одной стране окажет серьезное воздействие на цены на этот товар во всем мире.

Такого рода потрясения в конкретных странах могут оказать серьезное воздействие на волатильность мирового производства и потребления сырья, однако также необходимо принимать во внимание и шоки в глобальных цепочках поставок (например, проблемы с судоходством – важный фактор со стороны предложения). Значение таких общих факторов в последние годы особенно возросло в производстве промышленных и продовольственных товаров [18], что объясняется большей степенью синхронизации глобальных бизнес-циклов [11. – С. 21]. Вместе с тем для рынка сельскохозяйственного сырья (в отличие от промышленного) не-

специфические шоки производства существеннее, чем шоки потребления, поскольку, например, на рынки сельскохозяйственного сырья большее влияние оказывают климатические потрясения (например, наводнения и засухи ведут к снижению урожайности).

Следует принимать во внимание и эластичность предложения, которая по металлам (особенно для цинка и меди) будет самой низкой, тогда как для сельскохозяйственного сырья – самой высокой (рост мировых цен на зерно на 10% ведет к увеличению их производства в течение года на 6%). Такая разница вполне объяснима, поскольку для открытия новых шахт необходимо гораздо больше времени, чем для внесения удобрений (и увеличения урожайности) или смены культур. Однако и в разрезе разных культур наблюдается дифференциация: краткосрочное предложение менее эластично у многолетних культур, чем у однолетних. Так, чтобы новые деревья какао начали плодоносить, необходимо пять лет, а масличной пальмы – лишь два года. Если рассматривать эластичность предложения по энергоносителям, то она выше, чем у металлов, но ниже, чем у сельскохозяйственной продукции.

Важную роль при оценке эластичности играют характеристики конкретных товаров, а именно возможность их замещения, позволяющая корректировать спрос. В исследованиях МВФ указывается, что эластичность спроса на рис по цене почти нулевая, поскольку лишь 10% этого товара продается на мировом рынке, а в Азии цены на рис субсидируются. По таким товарам, как пшеница, хлопок и чай ценовая эластичность превышает 0,4, тогда как по углю и сырой нефти – менее 0,2 (низкий показатель здесь отражает трудности замены этих товаров в краткосрочной перспективе). По меди и цинку ценовая эластичность спроса приближается к нулю, а на олово и свинец составляет 0,2–0,3, поскольку цинк и медь, которые используются в производстве стали и электроприборов, сложнее заменить [17. – С. 32]. Вместе с тем по мере адаптации рынков к шокам спрос и предложение на сырье будут становиться более чувствительными, особенно по металлам, и в меньшей степени – по сельскохозяйственным товарам.

Большая неэластичность предложения многолетних культур по сравнению с однолетними объясняет резкий рост цен на пшеницу после начала СВО и их последующее серьезное падение. Кроме того, свою роль сыграла эластичность спроса, предполагая возможность замещения одних зерновых другими. Особенно неэластичны предложение и спрос на минеральное сырье. Страны с наилучшим доступом к мировым рынкам сырья с низкой эластичностью (металлы) могут создавать пространство для монетарной политики и бюджетные буферы, чтобы быть готовыми к возможным шокам. Поэтому, если аграрные и энергетические субсидии будут заменяться целевыми трансфертами, то это будет способствовать росту эластичности предложения и спроса на сырье и уменьшит волатильность мировых цен на него. Дж. Альварес указывает, что за счет меж-

дународной торговли возможно смягчить негативные последствия шоков на рынке сырья [7], что особенно актуально в условиях фрагментации международной торговли и геополитической напряженности.

#### Список литературы

1. Антропова М. Ю. Механизмы воздействия глобальных экономических кризисов на развитие мирового рынка никеля // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 1. – С. 46–48.
2. Глобальные вызовы развития внешней торговли Российской Федерации. – Новосибирск : ООО «СибАК», 2023.
3. Мога И. С., Пасько А. В., Смагулова С. М., Камара П. Управленческие паттерны послекризисного развития стратегий трансграничных слияний и поглощений в мировой экономике (часть вторая) // Международная экономика. – 2022. – № 8. – С. 550–558.
4. Смагулова С. М. Волатильность цен на мировых рынках сырья и ее взаимосвязи с глобальным экономическим ростом // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – № 5. – С. 17–32.
5. Смирнов Е. Н. Эволюция триггеров хрупкости мировой экономики в условиях кризиса // Россия и Азия. – 2023. – № 1 (23). – С. 6–18.
6. Albrizio S. *et al.* Sectoral Shocks and the Role of Market Integration: The Role of Natural Gas // AEA Papers and Proceedings. – 2023. – Vol. 113. – P. 43–46.
7. Alvarez J. *et al.* Geoeconomic Fragmentation and Commodity Markets // IMF Working Paper. – 2023. – N 23/201.
8. Bogmans C. *et al.* The Power of Prices: How Fast Do Commodity Markets Adjust to Shocks? // IMF Working Paper. – 2024. – N 24/77.
9. Bolhuis M., Chen J., Kett B. Fragmentation in Global Trade: Accounting for Commodities // IMF Working Paper. – 2023. – N 23/73.
10. Dahl C. Dahl Mineral Elasticity of Demand and Supply Database (MEDS) // Colorado School of Mines Working Paper. – 2020. – N 2020-2. – April.
11. De Soyres F., Gaillard A. Global Trade and GDP Co-movement // International Finance Discussion Paper. Board of Governors of the Federal Reserve System. – 2020. – N 1282. – May.
12. Deconinck K. Concentration and Market Power in the Food Chain // OECD Food, Agriculture and Fisheries Paper. – 2021. – N 151.
13. Fajgelbaum P.D. *et al.* Trade War and Global Reallocations // NBER Working Paper. – 2023. – N 29562.
14. Fajgelbaum P. D., Khandelwal A. K. The Economic Impacts of the US-China Trade War // Annual Review of Economics. – 2022. – Vol. 14. – P. 205–228.

15. *Gopinath G. et al.* Changing Global Linkages: A New Cold War? // IMF Working Paper. – 2024. – N 24/76.
16. *Hudson W. M.* Revisiting Albert O. Hirschman on Trade and Development. *American Affairs*. – 2022. – August 20. – URL: <https://americanaffairsjournal.org/2022/08/revisiting-albert-o-hirschman-on-trade-and-development/> (дата обращения: 16.03.2024).
17. World Economic Outlook Steady but Slow: Resilience amid Divergence. – 2024. – April.
18. *Jacks D., Stuermer M.* What Drives Commodity Price Booms and Busts? // *Energy Economics*. – 2020. – Vol. 85. – P. 104035.
19. *Kilian L., Zhou X.* The Econometrics of Oil Market VAR Models // *Advances in Econometrics*. – 2023. – Vol. 45B. – P. 65–95.
20. *Mohtadi S., Castells-Quintana D.* The distributional dimension of the resource curse: Commodity price shocks and income inequality // *Structural Change and Economic Dynamics*. – 2021. – Vol. 59 (C). – P. 63–78.
21. *Qiu H., Shin H. S., Zhang L.* Mapping the Realignment of Global Value Chains // *BIS Bulletin*. – 2023. – N 78.
22. *Rodrik D.* What Next for Globalization? *Project Syndicate*. – 2023. – March 9. – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/failure-of-hyper-globalization-creates-need-for-new-economic-narrative-by-dani-rodrik-2023-03> (дата обращения: 18.03.2024).
23. Trade and Development Report: Growth, Debt, and Climate: Realigning the Global Financial Architecture. – New York, 2023.
24. Global Trade Update March 2024. – New York, 2024.
25. Statistics and Trade in International Trade 2023. Recent trade Patterns: Slowdown, Volatility and Heterogeneity. UN, UNCTAD, 2024.
26. *Wang M., Hannan S. A.* Trade Diversion Effects from Global Tensions – Higher Than We Think // IMF Working Paper. – 2023. – N 23/234.
27. A Global Food Crisis. World Food Programme (WFP), 2024. – URL: <https://www.wfp.org/global-hunger-crisis> (дата обращения: 16.02.2024).
28. Trade Monitoring Updates: A Year of Turbulence on Food and Fertilizers Markets. World Trade Organization (WTO), 2023. – February 28.

#### References

1. *Antropova M. Yu.* Mekhanizmy vozdeystviya globalnykh ekonomicheskikh krizisov na razvitie mirovogo rynka nikelya [Mechanisms of the Impact of Global Economic Crises on the Development of the Global Nickel Market]. *Innovatsii i investitsii* [Innovations and Investments], 2023, No. 1, pp. 46–48. (In Russ.).
2. Globalnye vyzovy razvitiya vneshney trgovli Rossiyskoy Federatsii [The Main Ideas for the Development of Foreign Trade in the Russian Federation]. Novosibirsk, OOO «SibAK», 2023. (In Russ.).

3. Moga I. S., Pasko A. V., Smagulova S. M., Kamara P. Upravlencheskie patterny poslekrizisnogo razvitiya strategiy transgranichnykh sliyanii i pogloshhenii v mirovoy ekonomike (chast' vtoraya) [Management Patterns of Post-Crisis Development of Cross-Border Mergers and Acquisitions Strategies in the Global Economy (part two)]. *Mezhdunarodnaya ekonomika* [International Economics], 2022, No. 8, pp. 550–558. (In Russ.).
4. Smagulova S. M. Volatilnost tsen na mirovykh rynkakh syrya i ee vzaimosvyazi s globalnym ekonomicheskim rostom [Price Volatility in World Raw Materials Markets and its Interrelationships with Global Economic Growth]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiiy vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], 2023, No. 5, pp. 17–32. (In Russ.).
5. Smirnov E. N. Evolyutsiya triggerov khrupkosti mirovoy ekonomiki v usloviyakh krizisa [Evolution of the Triggers of Fragility of the Global Economy in the Context of the Crisis]. *Rossiya i Aziya*, [Russia and Asia], 2023, No. 1 (23), pp. 6–18. (In Russ.).
6. Albrizio S. et al. Sectoral Shocks and the Role of Market Integration: The Role of Natural Gas. *AEA Papers and Proceedings*, 2023, Vol. 113, pp. 43–46.
7. Alvarez J. et al. Geoeconomic Fragmentation and Commodity Markets. *IMF Working Paper*, 2023, No. 23/201.
8. Bogmans C. et al. The Power of Prices: How Fast Do Commodity Markets Adjust to Shocks? *IMF Working Paper*, 2024, No. 24/77.
9. Bolhuis M., Chen J., Kett B. Fragmentation in Global Trade: Accounting for Commodities. *IMF Working Paper*, 2023, No. 23/73.
10. Dahl C. Dahl Mineral Elasticity of Demand and Supply Database (MEDS). *Colorado School of Mines Working Paper*, 2020, No. 2020-2, April.
11. De Soyres F., Gaillard A. Global Trade and GDP Co-movement. *International Finance Discussion Paper. Board of Governors of the Federal Reserve System*, 2020, No. 1282, May.
12. Deconinck K. Concentration and Market Power in the Food Chain. *OECD Food, Agriculture and Fisheries Paper*, 2021, No. 151.
13. Fajgelbaum P. D. et al. Trade War and Global Reallocations. *NBER Working Paper*, 2023, No. 29562.
14. Fajgelbaum P. D., Khandelwal A. K. The Economic Impacts of the US-China Trade War. *Annual Review of Economics*, 2022, Vol. 14, pp. 205–228.
15. Gopinath G. et al. Changing Global Linkages: A New Cold War? *IMF Working Paper*, 2024, No. 24/76.
16. Hudson W. M. Revisiting Albert O. Hirschman on Trade and Development. *American Affairs*, 2022, August 20. Available at: <https://americanaffairsjournal.org/2022/08/revisiting-albert-o-hirschman-on-trade-and-development/> (accessed 16.03.2024).
17. World Economic Outlook Steady but Slow: Resilience amid Divergence, 2024, April.

18. Jacks D., Stuermer M. What Drives Commodity Price Booms and Busts? *Energy Economics*, 2020, Vol. 85, pp. 104035.
19. Kilian L., Zhou X. The Econometrics of Oil Market VAR Models. *Advances in Econometrics*, 2023, Vol. 45B, pp. 65–95.
20. Mohtadi S., Castells-Quintana D. The distributional dimension of the resource curse: Commodity price shocks and income inequality. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2021, Vol. 59 (C), pp. 63–78.
21. Qiu H., Shin H. S., Zhang L. Mapping the Realignment of Global Value Chains. *BIS Bulletin*, 2023, No. 78.
22. Rodrik D. What Next for Globalization? *Project Syndicate*, 2023, March 9. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/failure-of-hyper-globalization-creates-need-for-new-economic-narrative-by-dani-rodrik-2023-03> (accessed 18.03.2024).
23. Trade and Development Report: Growth, Debt, and Climate: Realigning the Global Financial Architecture. New York, 2023.
24. Global Trade Update March 2024. New York, 2024.
25. Statistics and Trade in International Trade 2023. Recent trade Patterns: Slowdown, Volatility and Heterogeneity. UN, UNCTAD, 2024.
26. Wang M., Hannan S. A. Trade Diversion Effects from Global Tensions – Higher Than We Think. *IMF Working Paper*, 2023, No. 23/234.
27. A Global Food Crisis. World Food Programme (WFP), 2024. Available at: <https://www.wfp.org/global-hunger-crisis> (accessed 16.02.2024).
28. Trade Monitoring Updates: A Year of Turbulence on Food and Fertilizers Markets. World Trade Organization (WTO), 2023, February 28.

Поступила: 10.02.2025

Принята к печати: 19.02.2025

#### Сведения об авторе

**Евгений Николаевич Смирнов**  
доктор экономических наук, профессор,  
заведующий кафедрой мировой  
экономики и международных  
экономических отношений ГУУ.  
Адрес: ФГБОУ ВО «Государственный  
университет управления», 109542,  
Москва, Рязанский проспект, д. 99.  
E-mail: Smirnov\_en@mail.ru

#### Information about the author

**Evgenii N. Smirnov**  
Doctor of Economics, Professor,  
Head of World Economy and International  
Economic Relations Department of SUM.  
Address: State University  
of Management, 99 Ryazan Avenue,  
Moscow, 109542,  
Russian Federation.  
E-mail: Smirnov\_en@mail.ru